

Гончарук Екатерина Юрьевна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Ложное высказывание как средство отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации

Рассматриваются акты коммуникации, в которых реализуются ложные высказывания, а также описываются характерные для русского языка признаки ложных высказываний (на примере художественных текстов).

Ключевые слова и словосочетания: акт коммуникации, ложное высказывание, средства отказа, партнер по коммуникации.

Одним из вариантов отказа в праве на получение полноценной информации являются ложные высказывания. Вслед за О.М. Попчук мы считаем, что ложное высказывание — это «высказывание, намеренно искаженно описывающее действительное положение вещей с целью ввести в заблуждение партнера по коммуникации» [2]. Представление заведомо ложного высказывания в ответе на запрос информации лишает партнера по коммуникации права на получение полноценной информации. В связи с этим возникает необходимость выделить средства, используемые в ложных высказываниях, для их распознавания. Теоретической базой исследования явились труды Г.Е. Крейдлина, О.М. Попчук, Р.К. Потаповой, П. Экмана [1, 2, 3, 4]. Признаки обмана могут проявляться в мимике, телодвижениях, голосовых модуляциях, глотательных движениях, в глубоком или, наоборот, поверхностном дыхании, в длинных паузах между словами, в оговорках, микровыражениях лица, неточной жестикуляции. Для нашей работы актуальным является определение состава средств создания ложных высказываний в русском языке.

Для анализа нами были отобраны диалоги из произведений классической русской прозы XIX – XX вв., содержащие ложные высказывания, при ответе на запрос информации. Поиск единиц проводился методом сплошной выборки. Проанализировав в ходе исследования 80 актов коммуникации, мы выделили следующие признаки, характеризующие ложные высказывания.

К речевым признакам ложного высказывания относятся речевые оговорки. Оговорки представляют собой некую утечку информации. Оговорившись, человек выражает то, чего не хотел сказать.

– Сжег свою руку?

– Да, свою руку. Верьте не верьте – мне всё равно.

Князь опять замолчал. В словах Аглаи не было шутки; она сердилась.

– Что ж, он приносил сюда с собой свечку, если это здесь произошло? Иначе я не придумаю...

– Да... свечку. Что же тут невероятного?

– Целую или в подсвечнике?

– Ну да... нет... половину свечки... огарок... целую свечку, – всё равно, отстаньте!.. И спички, если хотите, принес. Зажег свечку и целые полчаса держал палец на свечке; разве это не может быть?

– Я видел его вчера; у него здоровые пальцы.

Аглая вдруг прыснула со смеху, совсем как ребенок. (Ф.М. Достоевский «Идиот»)

Ответ говорящего прерывист и противоречив. Сначала говорящий положительно отвечает на вопрос («ну да»), потом оговаривается и отвечает отрицательно («нет»); не может дать точного ответа о том, какого размера была свеча («половина свечки», «огарок», «целая свечка»). Все это свидетельствует о том, что говорящий пытается обмануть собеседника. Партнер по коммуникации уличает говорящего в обмане, поскольку с самого начала знает об этом. Интересна реакция отвечающего на то, что его уличили во лжи, девушка начала смеяться, то есть представила свою ложь наивной детской шуткой.

Отвечающий может использовать многословие, скрывая истинную информацию. Тирада отвлекает внимание спрашивающего, уводит его от темы вопроса, в результате он не получает полноценной информации.

– Я извиняюсь, – заговорил он подозрительно, – вы кто такой будете? Вы – лицо официальное?

– Эх, Никанор Иванович! – задумчиво воскликнул неизвестный. – Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет. Все это, Никанор Иванович, зыбко и условно. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот, и еще как бывает! (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

В приведенном диалоге отвечающий использует многословие для того, чтобы отвлечь внимание спрашивающего. При этом он использует восклицания: «Эх, Никанор Иванович!», «Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот, и еще как быва-

ет!»; вопрос близкий к риторическому: «Что такое официальное лицо или неофициальное?», а также уходит в философию: «Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет. Все это, Никанор Иванович, зыбко и условно». В результате полноценного, конкретного ответа на свой вопрос партнер по коммуникации не получает.

Отвечающий может давать уклончивые ответы на запрос информации, что также квалифицирует высказывание как ложное.

– Как я рад, дорогой Максим Максимыч. Ну, как вы поживаете? – сказал Печорин.

– А... ты?.. а вы? – пробормотал со слезами на глазах старик... – сколько лет... сколько дней... да куда это?..

– Еду в Персию – и дальше...

– Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

– Мне пора, Максим Максимыч, – был ответ.

– Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?.. как?.. что поддельвали?..

– Скучал! – отвечал Печорин, улыбаясь. (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»)

В представленном диалоге отвечающий дает уклончивые короткие ответы, что свидетельствует о желании уйти от разговора, в данном случае со старым знакомым. При ответе на первый вопрос отвечающий не дает полноценной информации, не заканчивает мысль, об этом свидетельствует неоконченное предложение «Еду в Персию – и дальше...». При ответе на второй вопрос спрашивающего отвечающий использует этикетную формулу прощания «мне пора», чтобы закончить разговор. На последний вопрос отвечающий дает короткий ответ, одним словом «скучал», тем самым лишая партнера по коммуникации права на получение достоверной информации. В конце разговора отвечающий улыбается, что, возможно, является признаком того, что предоставленная им информация является ложной.

Речевые ошибки возникают в речи отвечающего в результате испытываемых им сильных эмоций: страха, волнения, гнева.

– Ну, хорошо-с. Позвольте спросить, вы скоро в путешествие отправитесь?

– В какое путешествие?

– Ну да в "вояж"-то этот... Вы ведь сами сказали.

– В вояж? Ах, да!.. в самом деле, я вам говорил про вояж... Ну, это вопрос обширный... А если б знали вы, однако ж, об чем спрашиваете! – прибавил он и вдруг громко и коротко рассмеялся. – Я, может быть, вме-

сто вояжа-то женюсь; мне невесту сватают. (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»)

В приведенном примере отвечающий использует междометное восклицание «ах, да» и отвлекает внимание спрашивающего от темы разговора восклицанием «А если б знали вы, однако ж, об чем спрашиваете!», поскольку не хочет предоставлять информацию партнеру по коммуникации.

– Перейдемте, Степан Трофимович, прошу вас! Кстати, вы носите красные галстуки, давно ли?

– Это я... я только сегодня...

– А делаете ли вы ваш моцион? Ходите ли ежедневно по шести верст прогуливаться, как вам предписано доктором?

– Не... не всегда. (Ф.М. Достоевский «Бесы»)

В данном диалоге в ответе говорящий добавляет лишние слоги. Это является свидетельством испытываемого им эмоционального волнения, возможно, его смущают вопросы, задаваемые партнером по коммуникации, и он подбирает слова.

Елена поднимает голову на часы и спрашивает:

– Неужели они оставят нас на произвол судьбы? – Голос ее тосклив.

Братья, словно по команде, поворачивают головы и начинают лгать.

– Ничего не известно, – говорит Николка и обкусывает ломтик.

– Это я так сказал, гм...предположительно. Слухи. (М. Булгаков «Белая гвардия»)

В приведенном диалоге отвечающий заполняет паузу звуком «гм», который П. Экман относит к речевым ошибкам [4, 5, 6]. Данное действие может свидетельствовать о том, что отвечающий волнуется и подбирает слова, чтобы не предоставить лишней информации.

– Куда ты? Да мы уж пришли?

– Мне надо, надо; дело...приду через полчаса... Скажи там. (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»)

В этом диалоге отвечающий повторяет слова, что демонстрирует его волнение, которое может быть свидетельством предоставления ложной информации. Также в ответе есть паузы, которые указывают на то, что отвечающий старается подобрать нужные слова, чтобы убедить спрашивающего, отпустить его.

Не знаю, какое у меня было лицо, но только художница обиделась смертельно. Густо покраснела под слоем пудры, прищурилась.

– Вам, по-видимому...э...не нравится?

– Нет. Что вы. Хе-хе! Очень мило...мило. Мило очень... Только вот бакенбарды. (М. Булгаков «Записки на манжетах. История с великими писателями»)

В приведенном диалоге отвечающий использует повтор слова для того, чтобы убедить собеседника в том, что эмоции, которые партнер по коммуникации увидел на его лице (Не знаю, какое у меня было лицо, но только художница обиделась смертельно), ошибочны. Отвечающий не пытается скрыть свои отрицательные эмоции, а с помощью слов стремится убедить собеседника в том, что эмоции положительные. В данном случае ложь выдает не только лицо отвечающего, но и его короткий смех («Хе-хе»).

К экстралингвистическим признакам ложного высказывания относятся паузы. Паузы свидетельствуют о том, что человек подбирает слова, чтобы не сказать лишнего. Также паузы являются признаком того, что отвечающий испытывает сильное эмоциональное волнение, которое может быть следствием того, что он обманывает партнера по коммуникации.

– Кровь! какую кровь? – встревожилась Пульхерия Александровна.

– Это так... не беспокойтесь. Это кровь оттого, что вчера, когда я шатался несколько в бреду, я наткнулся на одного раздавленного человека... чиновника одного... (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»)

В данном примере ответ говорящего содержит паузы, которые могут являться признаком того, что человек подбирает слова, продумывает то, что он хочет сказать. Это часто сопровождается обманом, поскольку человек при обмане (если он не профессиональный лжец: актер, игрок в покер) испытывает волнение от боязни быть уличенным во лжи, поэтому старается подобрать нужные слова, чтобы не выдать партнеру по коммуникации лишней информации.

Штабс-капитан вошел в комнату в то время, когда я уже надевал шапку; он, казалось, не готовился к отъезду; у него был какой-то принужденный, холодный вид.

– А вы, Максим Максимыч, разве не едете?

– Нет-с.

– А что так?

– Да я еще коменданта не видал, а мне надо сдать ему кой-какие казенные вещи...

– Да ведь вы же были у него?

– Был, конечно, – сказал он, заминаясь – да его дома не было... а я не дождался.

– Я понял его: бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности, говоря языком бумажным, – и как же он был награжден! (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»)

При ответе говорящий «заминается», то есть не знает, что сказать, это указывает на то, что он подбирает нужные слова, нужное объяснение для спрашивающего. Об этом также свидетельствует и возникшая пауза в середине ответа.

Повышение или понижение тона голоса также являются признаком ложного высказывания. Отвечающий может повысить голос, защищая себя, при попытке спрашивающего уличить его во лжи. Понижение голоса свидетельствует об испытываемом эмоциональном волнении, отвечающий не может защитить себя, поэтому отвечает тихо, неуверенно.

– Однако признайся, ты раскисаешься?

– Какой вздор! если я захочу, то завтра же буду вечером у княгини... (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»)

При ответе говорящий повышает тон голоса (Какой вздор!), чтобы скрыть от спрашивающего истинные эмоции, вызванные вопросом. Здесь реализуется принцип, который призван переключить внимание спрашивающего и завуалировать истинные чувства отвечающего. Отвечающий пытается заменить одну эмоцию другой, выдать ложные чувства за истинные. Вместо того чтобы признать правоту собеседника и показать испытываемое чувство смущения от собственной неправоты, он пытается продемонстрировать безразличие и даже возмущение, вводя партнера по коммуникации в заблуждение.

– Угрожали вы недавно Николаю Всеволодовичу?

– Это... это, тут было больше вино, Петр Степанович. (Он поднял вдруг голову.) – Петр Степанович! Если фамильная честь и незаслуженный сердцем позор возопиют меж людей, то тогда, неужели и тогда виноват человек? – взревел он, вдруг забывшись по-давешнему. (Ф.М. Достоевский «Бесы»)

Отвечающий повышает голос до рева («взревел»), чтобы защитить себя. Вопрос вызывает у него чувство волнения, о чем свидетельствуют пауза и повтор при ответе («Это... это, тут было больше вино»). При этом он использует тираду для отвлечения внимания спрашивающего. Тирада содержит обращение к спрашивающему («Петр Степанович!»), целью которого является привлечение внимания партнера по коммуникации, а также окружающих. Заканчивается тирада близким к риторическому вопросом («Если фамильная честь и незаслуженный сердцем позор возопиют меж людей, то тогда, неужели и тогда виноват человек?»), который содержит высокую книжную лексику «фамильная честь», «незаслужен-

ный сердцем позор», «возопиют меж людей». Этот прием отвечающий использует для того, чтобы обратить внимание на себя и на свой ответ, увести партнера по коммуникации от темы вопроса.

– Губка-то опять, как и тогда, вздрагивает, – пробормотал как бы даже с участием Порфирий Петрович. – Вы меня, Родион Романыч, кажется, не так поняли-с, – прибавил он, несколько помолчав, – оттого так и изумились. Я именно пришел с тем, чтоб уже все сказать и дело повести на открытую.

– Это не я убил, – прошептал было Раскольников, точно испуганные маленькие дети, когда их захватывают на месте преступления.

– Нет, это вы-с, Родион Романыч, вы-с, и некому больше-с, – строго и убежденно прошептал Порфирий. (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»)

В данном примере речь говорящего во время ответа тихая («прошептал»). Он отвечает тихо, поскольку испытывает сильное эмоциональное волнение от испуга (точно испуганные маленькие дети), который вызван словами спрашивающего, пытающегося уличить его во лжи. На видимое волнение также указывает эмблема – дрожащая губа, которую замечает партнер по коммуникации («Губка-то опять, как и тогда, вздрагивает»), это свидетельствует о глубоком внутреннем переживании, вызванном необходимостью обмана.

Потение может свидетельствовать о том, что человек говорит неправду. Человек потеет, испытывая сильное эмоциональное волнение, оттого что ему приходится обманывать собеседника.

– Позвольте мне уйти, Петр Степанович, – проговорил он решительно.

– Но не ранее того как вы дадите какой-нибудь ответ на мой первый вопрос: правда все, что я говорил?

– Правда-с, – глухо проговорил Лебядкин и вскинул глазами на мучителя.

Даже пот выступил на висках его.

– Все правда?

– Все правда-с.

– Не найдете ли вы что-нибудь прибавить, заметить? Если чувствуете, что мы несправедливы, то заявите это; протестуйте, заявляйте вслух ваше неудовольствие.

– Нет, ничего не нахожу.

В приведенном примере при ответе отвечающий вспотел («пот выступил»), оттого что находился в сильном эмоциональном волнении. Личность спрашивающего вызывает у него отрицательные эмоции, он смотрит на него как на «мучителя», следовательно, вопросы партнера по

коммуникации вызывают у него волнение и страх из-за боязни быть уличенным во лжи.

Ложное высказывание может сопровождаться изменением цвета кожи, это происходит от эмоционального волнения, которое испытывает лжец.

– Вот княгиня Лиговская, – сказал Грушницкий, – и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

– Однако ты уж знаешь ее имя?

– Да, я случайно слышал, – отвечал он, покраснев, – признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью? (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»)

В данном примере ответ на запрос информации сопровождается изменением цвета лица. Отвечающий «покраснел», поскольку он волнуется из-за боязни быть уличенным во лжи спрашивающим.

Роль человеческих глаз в коммуникации трудно переоценить. Глаза могут рассказать о том, что человек пытается скрыть при обмане, поэтому движения глаз могут указывать на ложное высказывание. Наиболее частотным признаком ложного высказывания является то, что говорящий старается не смотреть на собеседника, при этом отводит глаза в сторону. В процессе коммуникации обычно собеседники смотрят друг другу в глаза, это является нормой человеческого общения, поэтому, когда человек прячет взгляд, опускает глаза или отводит их в сторону, это является признаком того, что он что-то скрывает от собеседника или говорит неправду [1].

– Я Юлия Александровна Рейсс.

– Почему вы одна?

Она ответила как-то напряженно и отводя глаза в сторону:

– Моего мужа сейчас нет. Он уехал. И матери его тоже. Я одна... – Помолчав, она добавила: – Здесь холодно... Брр... Я сейчас затоплю. (М. Булгаков «Белая гвардия»)

В данном примере при ответе на запрос информации отвечающий отводит глаза в сторону, это действие демонстрирует то, что она скрывает от собеседника не только эмоции, вызванные его вопросом, но и истинную информацию, которую эти эмоции могут выдать. Вопрос партнера по коммуникации является для отвечающего некорректным, и он старается уйти от неприятных расспросов, переводя тему разговора на нейтральную о низкой температуре в помещении («Здесь холодно»).

Хитрость финдиректора не ускользнула от Варенухи, который спросил, передернувшись, причем в глазах его мелькнул явный злобный огонь:

– Ты чего звонишь?

– Машинально, – глухо ответил финдиректор, отдернул руку и, в свою очередь, нетвердым голосом спросил: – Что у тебя на лице?

– Машину занесло, ударился об ручку двери, – ответил Варенуха, отводя глаза.

«Лжет!» – воскликнул мысленно финдиректор. (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

В данном диалоге отвечающий отводит глаза, что свидетельствует о желании скрыть истинную информацию от собеседника, а также волнение, вызванное вопросом.

Таким образом, проанализировав диалоги, содержащие ложные высказывания при отказе в праве на получение полноценной информации, мы выделили как вербальные, так и невербальные (экстралингвистические) признаки ложных высказываний. К вербальным признакам относим: языковые оговорки, многословие, уклончивые ответы, речевые ошибки (междометия, лишние слоги, повторы). К экстралингвистическим признакам относим: паузы, повышение и понижение тона голоса, изменение цвета лица, движение глаз, потение, улыбку или смех. В рассмотренных нами диалогах из русскоязычной прозы не встречаются такие признаки, выделенные П. Экманом, как манипуляции, эмблемы, иллюстрации, темп речи, учащенное дыхание, сглатывание, моргание, расширение зрачков и слезы. Для носителей русского языка характерным признаком ложных высказываний является действие, когда говорящий отводит глаза в сторону. Заметим, что данный признак не встречается в классификации П. Экмана.

1. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.Е. Крейдлин. – М., 2000. – 68 с.
2. Попчук, О.М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.М. Попчук. – М., 2006. – 27 с.
3. Потапова, Р.К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М.: Языки русской культуры, 2006. – 491 с.
4. Экман, П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / П. Экман. – СПб.: Питер, 2010. – 304 с.
5. Экман, П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь / П. Экман. – СПб.: Питер, 2010. – 336 с.
6. Экман, П. Узнай лжеца по выражению лица / П. Экман. – СПб.: Питер, 2010. – 272 с.